
Что ты возьмёшь с собой?
Марк Балан

Марк Балан

Что ты возьмёшь с собой?

https://litres.ru/74775973
SelfPub; 2026

Аннотация

Когда привычный мир рушится, ответы приходят из самого неожиданного места. В подсобке старого секонд-хенда две выпускницы, импульсивная Янка и рассудительная Лин, находят потайной подвал. Коробки с датами, пропавшие вещи и забытые истории связывают воедино судьбы их близких. Это тёплый роман с лёгким оттенком мистики о первой настоящей дружбе, семейных тайнах и о том, как трудно и важно научиться слышать друг друга.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 14
Глава 3 22
Глава 4 30
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Марк Балан
Что ты возьмёшь с собой?

Глава 1

Понятия не имею, с чего начать. Не знаю, что важно в этой истории, а что нет.

Пожалуй, так. Всё это нашла Лин и несколько дней подряд приставала:

— Давай сходим вместе, посмотрим. Там лестница, а внизу коробки.

Многие в школе считали Лин просто врушкой. Но я так про нее никогда не думала. Мы дружили с детства. У подруги нет родителей, только бабушка — очень старенькая и больная. Поэтому Лин у нас дома проводила больше времени, чем у себя.

Правда, когда мы стали старше, то немного отдалились друг от друга. Лин не любила больших компаний, шума, громкой музыки. Она предпочитала сидеть где-нибудь в уголке и рисовать в блокноте. Но всегда умела слушать.

У меня много разных подружек. С ними классно было проводить время, ходить куда-то, тусить — кафе, концерты, клубы и прочее. Но они — это так, для массовки. Мы встре-

чались, гуляли, и каждая старалась произвести впечатление на окружающих. Как говорила мама, «перетягивали одеяло на себя». И никому по-настоящему не было дела до остальных.

Лин совсем не такая. Она слушала внимательно, не перебивала никогда. И всегда могла объяснить, почему и как то или другое получилось и чего ждать дальше. Это немного странно, потому что сама она нигде не бывала, но при этом разбиралась во всём.

Врушкой её назвали, потому что она рассказывала о вещах, о которых знать никак не могла. Позже она просто перестала с кем-либо общаться, кроме меня. Именно потому, что ей не верили. А я ей всегда верила. Просто считала, что у нее фантазия богатая. Но это же не про враньё?

Я запуталась, короче. Это нужно было всё писать или нет?

Нужно же было рассказать сначала? Если сразу с секонд-хенда, то придётся объяснить, что мне там понадобилось. Ну, ходили туда несколько раз с девчонками для прикола. На Хэллоуин искали всякие наряды пострашнее, и всё. Запах в этом заведении был странный. И продавщица под стать ему — тётя Валя. Вечно на стуле сидела за прилавком, вязала или вышивала. И на покупателей не смотрела совсем, даже головы не поднимала. Вещи в секонде на вес продавали почему-то. Люди приносили то, что выбрали, складывали на весы, и единственное, что говорила им тётя Валя, — это сколько по деньгам выходит, и всё.

Я про это от Лин и узнала, потому что она в этом самом магазине подрабатывать стала с прошлого года. Понятия не имею, как ей удалось устроиться к Вале, про которую в городе говорили, что у нее «не все дома».

Лин работала там три раза в неделю. И раньше ничего не рассказывала про свои смены. Я и не спрашивала особо — работает и работает. А тут как-то пришла она вечером, задумчивая. Забавно: она всегда задумчивая, так что я не сразу поняла, что у нее что-то стряслось. Я просто стала рассказывать ей про… Ну, неважно про кого. Он не имел отношения к этой истории. Хотела у Лин спросить, что она о нем думает. Рассказала и только тогда сообразила, что она не слушает, когда подруга ничего не ответила на мой вопрос. Я удивилась, конечно, и спросила, что случилось.

Лин рассказала про эту дурацкую лестницу в подвале и про коробки. Я ничегошеньки сначала не поняла. Магазин, подвал, упаковки какие-то— ну и что? Спросила: в чём проблема? А она попросила: «Сходим вместе, посмотрим». Я даже слушать её больше в тот день не стала. На другой день контрольная по математике, вообще не до того. Лин ушла.

Я думала, она отстанет. А она на другой день опять с этой лестницей. Я бы на фиг послала, но по-настоящему подруга редко о чём просила, потому я, хоть и злилась, согласилась пойти. В пятницу.

Решила: сходим по-быстрому, вечером с девчонками в клуб собирались. Хоть у нас и небольшой городок, этот се-

конд-хенд находился довольно далеко от центра, где мы учились, и от дома тоже прилично. Мы, наверное, минут сорок плюхали. Я ещё подумала: зачем только согласилась? Но глупо уже было разворачиваться и уходить. Поэтому, хоть и бесилась, мы всё-таки дошли.

В магазин зашли, Валя эта, как всегда, за прилавком высилась. Вышивала, что ли. Я в этом мало смыслю. Круглая штука такая у ней в руках была, на ней ткань натянута, и она в нее иголкой с цветными нитками тыкала.

Лин ей:

— Здрасьте, тетя Валя! Я пришла. Пойду привоз разбирать.

Я тоже кивнула.

Фиг знает, как они общались. По-моему, Валя нас просто не заметила. Может, конечно, она и подала какой-то тайный сигнал, но я никаких изменений не уловила. Как сидела она за прилавком, так и сидела, методично ковыряя иголкой ткань.

В глубине зала ещё какие-то две тётки в вещах рылись и тихонько разговаривали. А больше ни души.

Лин меня за руку потянула, и через несколько шагов мы перед дверью оказались. Зашли: помещение, зелёные стены, и всё сплошь заставлено огромными коробами. В них, видимо, одежда для продажи. Я ещё подумала: нафига? В зале и так столько товара, что не распродать вовеки, а тут ещё привезли. Запах стоял совсем одуряющий — если в самом се-

конде мутить начинало, то здесь и вовсе. Я только и думала: скорее бы посмотреть, что там Лин напугало, и на свежий воздух.

Поскольку тут только еще одна дверь была, я к ней ринулась, ничего не спрашивая. Распахнула. Обычный туалет. Узенькая такая комната — раковина, зеркало, унитаз.

К Лин обернулась:

— Что за прикол?

А та так спокойно говорит:

— Не сюда.

Я еще раз глазами всё обшарила. Никакой лестницы не было. Совсем никакой.

В тот же момент Лин подошла к стене, и вот тогда я заметила, что на ней висит занавеска, точь-в-точь под цвет стен. Подруга отодвинула её в сторону. За занавеской оказалась ниша, а в ней внизу — ведро со шваброй. И всё.

— Ну и что? — спросила я. — Где твоя лестница?

Лин не ответила, она на стену двумя руками давить стала. Что-то негромко щёлкнуло, появилась щель, и из неё подуло довольно холодным воздухом. Я не то чтобы обалдела, скорее не по себе стало. В этом месте и так не больно приятно находиться, а скрытая дверь просто пугала.

Когда она целиком открылась, за ней было абсолютно темно. Честно, в этот момент захотелось развернуться и уйти. Стрёмно.

Но Лин уверенно так сказала:

— Здесь ступеньки. Их десять, а внизу — выключатель, я сейчас спущусь и свет зажгу.

Она смартфон достала, фонарик включила, вот тогда-то я и увидела проход.

Подумала: «Ну и что тут, в конце концов, страшного? Обыкновенный подвал. И Лин там уже была, раз знает про свет и про ступени». Вздохнула с облегчением, хотя все равно желания идти вниз не было. Меня никогда и не тянуло лазать по подвалам и чердакам. В городе были заброшенные здания, и многие из школы любили в детстве туда забираться, а потом ещё придумывали всякие страшилки. Меня это не пугало, просто неинтересно: пыль собирать и ноги ломать.

Лин оказалась внизу и включила свет. Ну, какой свет: тусклая, одинокая, старая лампочка на длинном проводе висела под потолком и немного раскачивалась из стороны в сторону.

Лин позвала:

— Спускайся, Янка. Вот здесь эти коробки.

Ну, вы поняли: Янка — это я. Я не очень любила раньше своё имя. Яна. В детстве с мамой ругалась из-за него — мама меня в честь своей бабушки назвала, а в школе дразнили «Яна-обезьяна». Приятно? А Лин первая стала звать меня не Яной, а Янкой, и мне это понравилось. И я потом всегда так и представлялась. Меня все стали звать Янка.

Вот, опять я куда-то не туда. Меня останавливать нужно: начинаю по делу говорить, а потом кажется, что и про это

нужно рассказать, и про то, а потом уже и не помню, про что начала.

Ну да, про подвал. Я запомнила, что ступенек десять, начала отсчитывать их про себя, держась за стену. Где-то на восьмой споткнулась. Ноготь чиркнул по каменной (или как она называется? Бетонная?) плите. Даже про подвал забыла на секунду: только бы не сломать! Вчера на маникюр ходила! В ближайшие недели мама денег не даст, и если сломала, придется, как дура, ходить с обрезанными ногтями. Я — не Лин, без маникюра как без рук.

Оказавшись внизу, первым делом на палец уставилась — ну, хорошо хоть не сломала! Кажется, немного шеллак сковырнулся. Правда, при таком освещении нормально не разглядеть.

А Лин вовсю в каких-то вещах копалась и меня звала, нетерпеливо:

— Вот, иди сюда. Откуда здесь это может быть?

Я подошла. Посмотрела. Одежда какая-то лежит. Чему тут удивляться? Весь магазин забит этим. Потом Лин вытянула одну вещь. Сначала показалось, что это просто красная тряпка. Подруга её потрясла, расправляя, и по воздуху разлился запах. Только он был вовсе не противный. Наоборот, приятный, вкусный — цветами какими-то, что ли? Пионы вроде так пахнут. Ароматно и нежно. А потом увидела, что у Лин в руках платье, настолько шикарное, что я поперхнулась. Ничего себе! Даже при скудном свете было видно, что

это атлас. Он так мягко струился по рукам и сбегал вниз прямо на грязный пол. В подвале, кстати, и покрытия никакого не было, забыла сказать, просто песок хрустел под ногами. И вот туда красивая ткань упала и замерла в ногах Лин этаким шикарным цветком.

— Вот, — услышала голос подруги. — Видишь?

Подошла ближе. Интересно стало по-настоящему. Может, я чего-то не знала про секонд-хенды, но такому наряду здесь явно не место.

— Ну, это ладно, — снова Лин. — Платье — это объяснимо. Но вот это как сюда попало?

И она довольно безжалостно скомкала шикарную ткань и швырнула обратно. Я даже пикнуть не успела, а подруга уже вытащила шкатулку. Размером с обувную коробку. И опять, раньше даже, чем рассмотрела хорошенько, поняла, что и эта вещь — очень дорогая. Хотя в этом, в отличие от одежды, разбиралась меньше, но как объяснить: дорогую вещь сразу видно. Она может быть неяркой и казаться скучной, но когда ее видишь близко или в руки берёшь, легко понимаешь разницу.

Шкатулка тёмного зелёного цвета, с красивым геометрическим узором. Лин крышку подняла, и у меня горло совсем перехватило. Внутри разноцветные камни. Я руку протянула и самый верхний взяла. Он был кроваво-красного цвета, грани мерцали и переливались под тусклым светом лампочки. Испугавшись чего-то, я его назад бросила. А рука уже к

следующему потянулась. Вот этот мне напомнил камешки, что у мамы в серёжках и кольце были. Изумруды называются. Только у мамы крошечные по сравнению с этим.

Я и его аккуратно вернула на место. Чувствую, что в горле пересохло, и с трудом сказала:

— Слушай, пошли отсюда. Ну нафиг. Может, это, конечно, театральный реквизит. Но стрёмно.

Лин обязательно нужно в детектива играть, она по-другому не умела. Мне бы скорее уйти, а она своё:

— Никакой это не реквизит, да и зачем ему здесь оказываться? Тут что-то неспроста.

Я ответила:

— А если не реквизит, то нам тем более нужно сматываться! Ты же понимаешь, что в подвалах обычные люди такое не хранят.

А Лин:

— Я это хорошо понимаю. Потому и хочу разобраться, как это здесь оказалось.

— Слушай, Лин, — проговорила я. — Ты, конечно, можешь разбираться сколько хочешь, только вряд ли долго у тебя это получится. Ты хоть понимаешь, сколько оно стоит, если это и правда всё настоящее? Нам отсюда нужно уходить быстро и забыть сюда дорогу. Я лично сваливаю. И тебе советую.

С этими словами к лестнице рванула. Рада была, когда услышала, что она пошла за мной. Лин, конечно, с приветом,

но я бы себя не простила, если бы с ней что-то случилось.

Глава 2

Я по лестнице наверх, через подсобку бегом, между коробок с одеждой в зале — вжих и на улицу! Только тут меня Лин догнала:

— Стой, Янка, подожди.

Остановилась, повернулась к ней. Думала, вместе домой пойдем. Ага, щас. Эта странная девчонка заявляет:

— Я должна в магазин вернуться, обещала разобрать поступление.

Вот кто бы стал думать о работе в такой ситуации? Хотя, если вспомнить, что она про этот подвал знает давно, всё становится ещё непонятнее. Я, если бы нашла что-то подобное, ходила бы оглядываясь и уж точно уволилась бы на фиг. А Лин так спокойно:

— Я обещала, не могу подвести.

Мне лично казалось, что тётя Валя даже бы не заметила её ухода. Да и барахла там столько, что разбирать его Лин будет до пенсии. В принципе, меня никто не держал, я могла спокойно уйти. Но, по правде говоря, что-то внутри останавливало.

Я предложила:

— Может, пойдем всё-таки домой?

Подруга стояла, закусив прядь волос — её привычка с дет-

ства. Волосы у неё тёмные, гладкие, подстрижены в каре. Это моя мама когда-то вызвалась брать её в салон, только бы Лин сама себя дома ножницами не кромсала. Надо сказать, ей шло.

Значит так, стояли мы в тот день на тротуаре рядом с секондом. Лин — маленькая, щуплая, мокрая прядка во рту. Честно, мне всегда казалось: если подуть на неё, даже не сильно, то её ветром сдует и унесет прямо в Австралию. А при этом решимости ей было не занимать. Вот и опять:

— Мне нужно вернуться. Иначе Валя не заплатит.

Неловко стало. Я и думать забыла, что Лин подрабатывает не ради нового айфона или джинсов. Ей деньги нужны на самые простые вещи. Бабушка у неё всю жизнь болела, вся пенсия на лекарства уходила, а тех копеек, что Лин платили как сироте, вообще ни на что не хватало. Наверное, мне следовало в этот момент предложить помощь, чтобы быстрее разгрести завалы с одеждой, но вернуться туда я не могла. Ноги не шли, и всё.

Я только сказала:

— Лин, не ходи туда больше. Вниз, я имею в виду. И вообще делай вид, что знать не знаешь ни о каком подвале! Поняла?

А эта чокнутая:

— Но ведь нужно разобраться, что это всё значит!

Хотела снова повторить, чтобы не вмешивалась, не лезла никуда. Только я слишком хорошо знала, с кем имею дело.

Пришлось схитрить:

— Ты сейчас иди, работай. Только в подвал не ходи. А потом мы с тобой обсудим, что делать.

На самом деле единственное, чего я хотела — поскорее уйти. Ну и чтобы совесть не мучила, быть уверенной, что она туда одна не сунется.

Я повторила:

— Слышишь меня, Лин? Без меня ничего не делай!

Она, вроде бы, поверила. Во всяком случае, тихо сказала:

— Ладно. Если честно, мне и самой немного страшно в одиночку с этим разбираться.

Она явно решила, что я собираюсь ей помочь.

Мы ещё постояли на улице молча, потом Лин вернулась в магазин, а я пошла домой. Всю дорогу думала: что со всем этим делать? Понятно, я в подвал больше ни ногой, вообще хотела забыть о нём, как о страшном сне. Но Лин — другое дело. Если она начала копаться, то не успокоится, пока не доберется до сути. Такая уж она.

Первым делом я хотела маме всё рассказать. А потом подумала, что только подставлю её. Как будто маме проблем в жизни не хватает.

Это, может, к делу и не относится, но я всё равно скажу: нас в прошлом году отец бросил. Закрутил роман с девчонкой на три года старше меня, она забеременела, и он к ней ушёл. Мой старший брат его нашёл и… они подрались, ко-

роче. Брат отцу руку сломал и нос. Отец на него заявление написал, правда, забрал потом. А брат после этого уехал из города насовсем. Я к чему это рассказываю: чтобы понятно было, почему я не хотела маму в историю с подвалом втягивать. Ей и так тяжело.

Кто ещё мог помочь? Может, с бабушкой Лин поговорить, чтобы она убедила внучку бросить работу? Сказать, мол, Лин нужно школу закончить, всего несколько месяцев осталось, к экзаменам пора готовиться.

Но это были пустые мысли. Они даже сейчас звучат жалко, а в жизни и вовсе смешно. Во-первых, бабушка не имела на Лин никакого влияния. Лин любила её, но давно привыкла всё решать сама. Представить, что Василиса Степановна могла сказать что-то такое, что остановило бы внучку, просто нереально.

В общем, пока шла, ничего конкретного так и не придумала. Тут телефон в кармане зазвонил — Вика, главная тусовщица нашей компании. Она обожала вечеринки, всегда на позитиве, и у неё вечно водилась куча сплетен: кто с кем, когда и где. Обычно я была не против потрепаться, чисто потрындеть, не рассказывая ничего по-настоящему важного. Но в тот момент я вызов сбросила. Вика мне в этой ситуации точно ничем помочь не могла.

Я даже вечером в клуб не пошла, не смогла собраться. Все мысли крутились вокруг подвала, странных вещей и Лин.

Про Лин особенно. Я про неё мельком упомянула, а нужно рассказать больше.

Например, мы ещё в начальной школе учились. Шли домой, и Лин на дороге нашла чьи-то часы — маленькие, женские, на браслете. Ничего особенного, тем более такие сейчас мало кто носит. Подруга подняла их, покрутила в руках и говорит:

— Нужно найти владельца, наверняка огорчился, что потерял.

Я тогда тоже была мелкой, идея мне понравилась. Пару дней мы играли в детективов, было весело. Подружка всё вычисляла, как нам хозяйку найти. Мы ходили после уроков на то самое место и «искали следы». Понятия не имею, как это работало у неё в голове, но Лин заявила, что часы потеряла немолодая женщина, худенькая и небогатая. И что обронила она их днём, потому что утром, когда мы шли в школу, их там точно не было (это по словам Лин, я-то поклясться не могу).

Мне эта игра наскучила через день, а Лин — ни капельки. Она добавила, что женщина, скорее всего, приходила на почту (та как раз на углу находится).

Когда мне это надоело, я взяла и рассказала маме. Мама развесила объявления о находке рядом с почтовым отделением. И самое смешное: за часами пришла старушка, точь-в-точь как описывала Лин!

Понятно теперь, какой у неё характер? Если что-то в го-

лову вобьёт — уже ничем не выбить. И как мне её теперь убедить держаться подальше от подвала?

Вечером она написала, что придет завтра, потому что сегодня слишком устала. Я обрадовалась: отлично, за ночь ещё придумаю что-нибудь дельное. Фигушки, ничего не придумала, только уснуть не смогла — ворочалась до утра.

Когда я поднялась, мама ещё даже на работу не ушла. У неё свой салон красоты, лучший в городе. Она очень удивилась, увидев меня на ногах: обычно, если в школу не надо, я дрыхну до часа дня. Мама спросила, не случилось ли чего. Но я твёрдо решила ничего не говорить, а когда разглядела, какой у неё с утра грустный вид, только утвердилась в этом решении.

Она ушла, а я долго стояла у окна. Смотрела на проезжающие машины, потом на кошку, которая кралась за голубем. Голубь клевал хлебную корку и делал вид, будто не замечает хищника, но в ту секунду, когда кошка прыгнула, он — раз и улетел. А кошка так смешно села и принялась лизать заднюю лапу, будто никакие голуби её вообще никогда не интересовали.

Я всё ждала звонка от Лин. Уже собиралась сама набрать, как вдруг увидела её во дворе.

Тут же включила чайник, нарезала бутербродов. Знаю, что она вечно голодная.

Мы уселись за стол. Я поставила перед ней чай с тарелкой,

и Лин сразу принялась за еду. А у меня кусок в горло не лез. Сидела и лихорадочно соображала, что сказать. Знала, что должна начать сама: Лин редко заговаривала первой. Внутри я долго репетировала и так, и эдак, а в итоге просто ляпнула, забыв про все заготовки:

— Знаешь, Лин, я вот что подумала: не ходи ты больше в этот подвал.

Она, сосредоточенно жуя хлеб с сыром, ответила:

— Ты это вчера уже говорила. Но я так не могу, разобраться со всем этим нужно.

Я разозлилась:

— Кому нужно, Лин? Мне совсем не нужно. И тебе не нужно! Пойми ты, если это краденые вещи, за ними вернутся те, кто их спрятал. И раз они способны на кражу, то и по башке дать им ничего не стоит. Ты подумай: если это настоящие камни, сколько они стоят? Да весь наш город купить можно, и ещё останется! Слышишь меня?

Ну, если на кого моя речь и могла произвести впечатление, то только не на неё. Лин молча сидела и смотрела в стену у меня за спиной. А когда я выдохлась, опять завела свою шарманку:

— Я не смогу просто взять и забыть. Тем более я хожу туда на работу. Как ты себе это представляешь?

Я уцепилась за её слова:

— Так тебе туда ходить вообще больше не нужно. Совсем!

Тут Лин перевела на меня взгляд и медленно, чеканя сло-

ва, проговорила:

— Вообще-то мне там деньги платят. Жить я на что буду?

Мне стало дико неловко. Я ведь помнила о её безденежье, а ляпнула не подумав, со злости. И чтобы поскорее выпутаться, заявила ещё глупее:

— Давай я тебе свои накопления дам, а? У меня приличная сумма есть. И отдавать ничего не надо. Потом, когда школу закончим, устроишься на нормальную работу и вернёшь.

Блин, я ведь совсем не хотела её обидеть! Если бы я хоть на секунду включила мозги и подумала, кому это говорю… Любая другая моя подружка, предложи я ей в порядке бреда одолжить денег, вцепилась бы мертвой хваткой и взяла обязательно, да и отдавать бы не спешила. Но с Лин так нельзя.

Она аж побледнела. И процедила ещё медленнее, поднимаясь из-за стола:

— Я в твоих подачках не нуждаюсь. Мне вообще от тебя ничего не нужно. И я сама во всём разберусь. Без тебя. Миллионерша!

Так презрительно это бросила и направилась к двери. Я оцепенела, не зная, что сделать и что сказать. И пока собиралась с мыслями, входная дверь уже захлопнулась.

Глава 3

Время шло. Я сидела как дурочка, в голове — ни одной мысли. Айфон то и дело пикал: девчонки, наверное, перекидывали фотки и хотели рассказать, как вчера повеселились в клубе. Но мне было не до них. Объяснить не могу почему, но выбросить эту историю из головы не получалось. В душе проснулся интерес: как драгоценности оказались в подвале и что еще лежит в тех коробках?

Больше всего, конечно, думала про Лин. Ни на секунду не сомневалась, что она не бросит свое «расследование», и ужасно боялась, что подруга попадет в беду — в очень большую беду. Я ведь сразу поняла: камни в подвале настоящие, никакой это не реквизит. И платье стоило немало, точно не из масс-маркета. А там еще куча коробок… Если в них схожие вещи, то это… В общем, это не старые часы какой-то старушки. Тот, кто спрятал вещи внизу, если узнает про нас, точно не принесет пирогов и ласковых слов не скажет.

Пыталась до Лин дозвониться. Раз набрала — не отвечает, второй — глухо, а на третий раз она вообще отключила телефон.

Я и разозлиться на нее пыталась, и сделать вид, будто мне все равно, и делами какими-то заняться — всё самообман. Понятно же, что пойду к ней.

Лин с бабушкой жили в частном секторе. У нас в городе вообще таких домов больше, чем многоэтажек. Идти недалеко, минут десять. Двор встретил пустотой — только несколько чахлых кустов мокли под нудным осенним дождиком. Дом старый, припавший на один бок, а вот крылечко — в хорошем состоянии. Три года назад его починили мой отец с братом. Мама тогда убедила, что нужно помочь. До этого крыльцо стояло просто жуткое. Однажды, когда бабушку Лин, Василису Степановну, забирали в больницу, приехавшая на вызов врач зацепилась за что-то на входе и вывихнула ногу. Смешная история, но грустная. Вот после нее маме и удалось уговорить отца взяться за инструменты.

Толкнула дверь — открыто. Вошла и крикнула с порога:

— Это я, Янка!

Никто не ответил, но я все равно прошла внутрь. Комната Лин — первая по коридору. Ткнулась в дверь, но та оказалась заперта. Лин давно врезала себе замок. Входную они не запирали: если вдруг с бабушкой что-то случится и медикам придется входить без стука. Из-за этого всё хоть сколько-то ценное хранилось у подруги. Хотя богатств у них отродясь не водилось — так, самое необходимое.

Прошла дальше. Следующая дверь всегда стояла нараспашку. За ней — большая комната и старый диван, на котором почти все время лежала Василиса Степановна. Она и

сейчас была там. Слышала бабушка плохо, и нужно было подойти вплотную, чтобы она заметила.

Я наклонилась над ней. Василиса Степановна вздрогнула, но, узнав меня, заулыбалась. Лицо её сразу изменилось, будто помолодело.

— Янка! — сказала она громко, как все глухие. — А Линочки нет.

— Я знаю, — ответила так же громко и присела на край дивана. — Не отвечает она. Телефон выключила.

— Чего?

— Телефон! Выключила! — повторила я почти по слогам.

— Ах, дождик… — закивала бабушка. — С утра льет, я гляжу в окошко-то — темно совсем.

Я не знала, что говорить. Вообще-то шла сюда просто убедиться, что Лин дома, живая-здоровая, и уйти. Но мы сидели близко, бабушка смотрела так внимательно и ласково, что мне отчаянно захотелось выговориться хоть кому-нибудь. Василисе Степановне ведь можно сказать: половину она все равно не расслышит, никто не узнает, а мне легче станет. Держать это в себе больше не было сил. Завтра, наверное, сама себе внушу, что ничего не говорила.

— Я за неё боюсь, — сказала вслух. Сначала тихо, а потом, спохватившись, громче: — Василиса Степановна, боюсь, что с Лин что-нибудь случится! Я не знаю, как её остановить. Вообще не понимаю, что нам делать.

Бабушка слушала, приложив ладонь к уху и наклонив го-

лову набок, как птица.

— Суп же есть, — проговорила она наконец. — Там, на плите. Лина варила вчера. Поешь, Янка, ты худая какая, одни кости.

Я чуть рассмеялась, хотя смех получился нервным.

— Спасибо, я не хочу.

— Лин, она такая… — неожиданно заговорила бабушка, и голос её изменился, стал тише и как будто яснее, хотя я была уверена, что она ничего из моего монолога не разобрала. — С малых лет такая. Скажет — и потом сбывается. Я ей наказывала: «Не говори людям, Линочка. Люди не любят, когда правда раньше времени приходит».

Ничего не поняла из её слов, но Василиса Степановна смотрела теперь мимо меня в окно, на дождь. Взгляд у неё стал такой, словно она унеслась мыслями куда-то далеко. Я списала это на старческое. Да и какой смысл переспрашивать? Она либо не услышит, либо не поймет, а время идет, и кто знает, где сейчас Лин.

А она где? — спросила снова, громко. — Лин! Где?

— К Валентине пошла, — ответила старушка охотно, расслышав вдруг с первого раза. — Вещи всё там разбирает. Сказала, дело есть. Утром ушла и не приходила ещё. Ты передай ей, пусть шарфик наденет. Дождь ведь.

Я кивнула. Посидела ещё секунду, глядя на её худые руки поверх пледа, потом встала и поправила его, сама не зная зачем.

На крыльце на мгновение замерла. Доски пружинили под ногами так же, как тогда, когда папа со Стасом их прибивали, а мама стояла внизу и командовала. Тогда всё было так просто, что даже не замечалось.

К тёте Вале, значит. В магазин.

Я поймала себя на том, что иду слишком быстро, и не только потому, что припустил дождь. До секонд-хенда путь неблизкий. Погода дурацкая, на улице ни души. Серо, хмуро, мокро — честное слово, как в ужастике. Я разогналась, летела на всех парусах, как вдруг на углу наперерез выскочили двое мужиков в кожаных куртках. Сердце в пятки ушло. Всё, думаю, конец. Глупо, конечно — откуда кому-то знать про меня? Но в ту секунду логика отказала.

Они же, увидев мое перекошенное от страха лицо, рассмеялись. Один, мордатый, небритый и пузатый, оскалился:

— Промокла, красавица? Иди, согрею.

В этот момент меня отпустило. Обычный старпёр, мнящий себя мачо.

Я резко бросила ему:

— Не перегори, когда греть будешь!

Конечно, я бы не рискнула так ответить, если бы не заметила дядю Сашу, старого отцовского друга — он катил на велике по этой же улице. Увидев меня, он притормозил, недобро поглядывая на мужиков. Те проследили за моим взглядом, притихли и молча двинулись дальше. С дядей Сашей

никто не связывался: бывший спортсмен, вид у него внушительный.

Он принялся расспрашивать про дела, про маму. Кстати, после ухода отца дядя Саша порвал с ним всякую дружбу и очень нас поддерживал. Хотя, как мне кажется, не просто так — думаю, ему мама нравится. Ой, ладно, это к делу не относится. Зато дядя Саша отдал мне свой дождевик:

— Заболеть хочешь? Бери и не спорь.

После этого полегчало. А то в последние часы казалось, будто кроме подвала ничего на свете больше нет.

Правда, когда подошла к секонд-хенду, меня снова затрясло. Остановилась перевести дух. Внутри в доме горел свет, тетя Валя сидела у окна за прилавком. Сегодня для разнообразия вязала. Через стекло я заметила, как у нее шевелятся губы. Подумала, что она разговаривает с кем-то, и вошла. Но в зале никого не было. Смотрю на нее, а она — ноль внимания. Губы плотно сомкнуты, вокруг рта залегли морщины.

Я поздоровалась:

— А Лин у вас?

Она не удостоила меня ответом, но я и сама увидела подругу — та стояла у двери на склад. Мне показалось, она улыбнулась, обрадовавшись моему приходу.

Я открыла рот, даже не зная, что скажу, но Лин явно не планировала слушать: развернулась и шмыгнула в подсобку.

Какой у меня оставался выбор? Пошла за ней. Подруга уже открывала скрытую дверь, не давая мне и секунды, чтобы ее переубедить. Подумалось: ладно, еще разок спустись, посмотри. Может, в прошлый раз всё просто показалось и ничего особенного там нет?

Но когда мы снова очутились у коробок, стало ясно — никакой ошибки. И шкатулка, и платье оставались на месте. А на самом дне лежал полушубок — белый, с искринкой мех, сразу видно, натуральный. Легкий, как облако. И пах он теми же духами, что и платье. Честно говоря, мне даже захотелось его примерить. Я стояла, буквально зачарованная этими чудесными нарядами, пока голос Лин не вернул меня к реальности:

— Посмотрим еще какую-нибудь?

Я пожала плечами и не знаю почему ткнула пальцем в коробку, стоявшую дальше, в глубине подвала. Картонки выглядели одинаково: обычные, без надписей, не заклеенные скотчем, а просто прикрытые.

Лин без споров подошла к той, на которую я указала, и извлекла на свет черные джинсы, затем мужской костюм. Вещи как вещи. Но когда она, покопавшись на дне, выудила широкий мужской браслет из золотистого металла, я вздрогнула. Свет в подвале тусклый, да и эта коробка стояла далеко от лампочки, но украшение показалось мне мучительно знакомым.

Сделала шаг ближе. Лин не заметила моей реакции, со-

бралась бросить находку обратно, заинтересовавшись чем-то другим, но я остановила ее резким движением:

— Подожди. Дай посмотреть.

Наверное, мой голос её удивил, потому что она вскинула голову.

Я взяла браслет в руки, теперь уже точно зная, чей он.

— Ты чего? — спросила подруга.

Я прошептала каким-то чужим голосом:

— А ты не видишь? — кивнула на свою руку. — Не узнаёшь?

Лин всмотрелась внимательнее и тихо произнесла:

— Это же дяди Игоря, да?

Сил говорить не осталось. Я смогла лишь мотнуть головой. Браслет, который я сжимала в пальцах, принадлежал моему отцу.

Глава 4

Мы стояли замерев. Даже дышать было страшно.

Потом Лин неуверенно произнесла:

— Может, он потерял, а кто-то нашёл?

Я наклонилась к коробке, из которой подруга достала браслет, и перевернула её, вытряхивая содержимое прямо на песок: мужские джинсы, костюм. Хорошие, добротные вещи, но я их не узнавала. Еще попались меховая кепка и ботинки. Могли они принадлежать моему отцу? Может да, может нет. Ничего особенного в них не было, и пахли они незнакомым мужским парфюмом. Впрочем, отец никогда не отличался приверженностью к какому-то одному аромату. Перетряхнув каждую вещь и так ничего и не поняв, запихала их обратно.

В глубине сознания мелькнула слабая надежда: вдруг браслет вовсе не отцовский? Ринулась под лампочку, чтобы рассмотреть его получше. Пыталась себя успокоить — мало ли в мире похожих побрякушек? Просто совпадение. Но внутри, будто заноза, сидело понимание: я себе вру. Это его вещь. Когда я была совсем маленькой, то не раз, засыпая на отцовских руках, крутила этот браслет у него на запястье. Пальцы узнали его на сто процентов. Вот так бывает: мозг спорит, а руки помнят.

Жутко реветь захотелось. Если честно, я и заревела. Слезы лились сами по себе, макияж потек — выглядела я в те минуты, наверное, как чучело.

Лин стояла рядом и крутила головой по сторонам, будто впервые очутилась в подвале. Похоже, ей в голову пришла какая-то мысль, но делиться со мной она не спешила.

В этот момент во мне поднялась сильная злость на неё. Почему она вечно не как все? Лезет куда не надо! Если бы не она, я бы знать не знала об этом месте, да и никто другой сюда никогда бы не полез. Теперь всё только сильнее запутывалось. Появился не только страх за подругу, но и новая проблема — отцовское украшение.

Я не понимала, как справиться с этой бурей чувств, что делать. С Лин выяснять отношения бесполезно: начну орать — она замкнется в себе и сто лет разговаривать не будет, а мне потом придумывай, как мириться. Разведать что-то в этой чертовщине могла только она. Я бы точно не справилась.

Посмотрела на неё со слабой надеждой:

— Ты правда думаешь, что он просто его потерял?

Лин так глубоко ушла в свои мысли, что ответила не сразу, будто через силу сфокусировав на мне взгляд:

— Ну… почему бы и нет?

Этого хватило, чтобы понять: ни фига подобного Лин не думает. Да и с чего вдруг? А остальные находки? Тоже потеряшки? Сложно представить, что шкатулку с драгоценны-

ми камнями можно случайно посеять — с такими вещами на прогулки не ходят. Ладно, допустим, люди теряют шубы, платья, джинсы. Но как они все вместе оказались в этом жутком месте? Тот, кто их нашёл, вряд ли бросил бы добычу здесь, собирайся он вернуть её владельцам. Если важно сохранить барахло подольше, так его не бросают. Все пошвыряли в коробки, точно зная: обратно на свет они не вернутся никогда.

Я совсем запуталась. Навалилась жуткая усталость.

— Что нам делать, Лин? — растерянно спросила я.

Странная она всё-таки: подошла и просто обняла меня. И сказала твёрдо:

— Мы во всём разберемся, Янка. Успокойся. Мы вместе.

От её слов снова захотелось зарыдать. Маленькая она, эта Лин, на полголовы меня ниже, ручки как веточки — как брат Стас говорил, «соплёй перешибёшь», — а привычки сдаваться у неё, в отличие от меня, не водилось. Полегчало.

— Как бы точно выяснить, его это браслет или нет? — выдохнула я.

— Да, с этого и стоит начать, — спокойно согласилась Лин.

На словах-то легко, а в жизни как? Дело в том, что с тех пор как отец ушел к этой своей Полине, я с ним не общалась. Он звонил много раз, но я заблокировала номер. А когда он однажды приехал к школе и ждал меня после уроков, я просто прошла мимо его машины, делая вид, что не узнала.

Он крикнул:

— Стой, Янка, давай поговорим!

Я даже не повернулась. На нас оглядывались одноклассники, учителя, а я шла себе дальше. Отец догнал, перехватил за руку и ласково так:

— Не сердись, воробышек, послушай меня!

В то мгновение у меня сильно защипало в глазах. Он всегда звал меня воробышком в детстве. Но я справилась с собой, резко обернулась и зло бросила:

— Отпусти меня сейчас же и никогда больше не подходи!

Он не послушался, не поверил. Руку не выпустил.

Тогда я зашипела:

— Если не отстанешь — я начну орать на всю улицу.

Отец решил, что это блеф, и продолжал держать. Я набрала побольше воздуха в легкие и завизжала.

Вот тогда он наконец испугался по-настоящему и отпустил. Вид у него сделался жалкий. Он резко крикнул:

— Замолчи, Яна!

Обращение «Яна» подстегнуло меня еще сильнее. Визжать я перестала, но начала кричать:

— Уходи и никогда, никогда не появляйся в моей жизни!

Мимо шли люди, оборачивались. Отцу стало неприятно — он человек в городе не последний. Поднял ладони вверх и потерянно произнес:

— Ладно, ладно, ухожу. Не ори. Захочешь — сама наберёшь. Не спеши судить, в жизни всякое бывает.

С тех пор прошло много времени, и мы ни разу не встречались. Он присылал цветы и подарки на праздники, переводил деньги, но я всё равно не желаю иметь с ним ничего общего.

Только как в таком случае выяснить правду?

Лин первая предложила выход:

— Пошли отсюда, Янка. Давай где-нибудь посидим и подумаем, что делать дальше.

— Браслет с собой возьмем? — спросила я.

— Нет, ничего отсюда брать не будем, — решительно отрезала Лин. — Я не очень понимаю почему, но чувствую: эти предметы не стоит долго держать в руках.

От её слов у меня аж мурашки по коже побежали. Рука дрогнула, и я отшвырнула золото подальше. Лин неодобрительно покачала головой, подняла украшение, аккуратно уложила обратно в коробку и закрыла крышку. Вот бы мне хоть каплю такой выдержки!

Хотелось припустить бегом, но подруга и тут удержала. Мы спокойно, будто прогуливаясь, поднялись по лестнице, миновали подсобку и вышли в зал. Лин подошла к прилавку и ровным голосом сказала:

— Я на сегодня закончила. Во вторник вечером приду.

Тётя Валя молча достала из кассы несколько купюр и протянула помощнице. Та так же безмолвно приняла оплату, и мы наконец оказались на улице. Дождь прекратился, из-за туч даже показалось несмелое солнце.

Я предложила:

— Может, в кофейню сходим? Кофе выпьем?

Губы Лин тронула улыбка:

— Ага. С пирожными. Я сегодня угощаю.

На душе потеплело. И вовсе не из-за сладостей — я бы и сама с радостью заплатила, просто знала, что Лин обидится. Приятно было оттого, что простые и понятные вещи никуда не исчезли. А ведь минуту назад казалось, будто весь мир полетел в тартарары и никогда не станет прежним.

Я улыбнулась подруге в ответ и громко заявила:

— Только учти, я съем самое большое пирожное, а может, даже два! Придется тебе раскошелиться, миллионерша!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.